УДК 347

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДОКТРИНЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

ON IMPROVING THE DOCTRINE OF CIVIL LAW COERCION AND ITS SIGNIFICANCE FOR SHAPING PROFESSIONAL LEGAL CULTURE

Е. М. Ефременко
Академия МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры гражданского и трудового права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Выявлены направления совершенствования доктрины гражданско-правового принуждения, обоснована целесообразность совершенствования понятийно-категориального аппарата в данной сфере. Представлено соотношение понятий «ответственность за нарушение обязательств», «гражданско-правовая ответственность», «способы защиты гражданских прав» и «меры защиты»*
Ключевые слова: *гражданско-правовое принуждение, гражданско-правовая ответственность, меры защиты, способы защиты гражданских прав.*

Annotation. *Areas for improving the doctrine of civil coercion are identified, and the feasibility of improving the conceptual and categorical apparatus in this area is substantiated. The relationship between the concepts of «liability for breach of obligations», «civil liability», «methods of protecting civil rights», and «protective measures» is presented.*

Keywords: *civil coercion, civil liability, protective measures, methods of protecting civil rights.*

Системное понимание современного права, выявление его потенциала в условиях информационного пространства невозможно без всестороннего исследования правового принуждения как одного из основных элементов механизма правового регулирования общественных отношений. Право часто сравнивают с зеркалом, в котором отражается все общество, в связи с этим ценности права, его категории имеют значение не только для него самого, но и для всех остальных социальных регуляторов (морально-нравственных, корпоративных, обычаев и др.).

В современной отечественной цивилистике существует значительное количество недостаточно исследованных проблем, имеющих как доктринальное, так и прикладное значение. Одной из них является проблема разработки понятия, сущности и юридической конструкции гражданско-правового принуждения.

Принуждение в праве как социальный и юридический феномен на протяжении десятилетий достаточно активно разрабатывалось представителями

теоретической юридической науки, однако анализ существующих научных работ позволяет констатировать, что их целью являлось исследование преимущественно государственного принуждения как теоретической юридической модели либо принуждения в отраслях публичного права. Гражданско-правовое принуждение, его правовая природа и конструкция, принципы и механизмы реализации, хотя и представлены в отдельных диссертационных исследованиях и иных научных работах последнего десятилетия [1; 2; 3; 4; 5], не дали всех ответов на все актуальные вопросы цивилистической доктрины и практики.

На наш взгляд, в области гражданско-правового регулирования общественных отношений проблема сущности и содержания видов, мер, форм и средств правомерного принуждения, принципов как его основных начал, а также установление оснований и условий его неправомерности является актуальной и требует дальнейшего научного осмысления. Кроме того, в настоящее время возрастает роль государства в сфере частноправового регулирования общественных отношений в рамках обеспечения публичного интереса [6, с. 137–138], в связи с чем разграничение сущности и потенциала государственного и негосударственного гражданско-правового принуждения также видится актуальным направлением научного поиска.

Также весьма актуальной видится разработка вопросов гражданско-правового принуждения в условиях цифрового пространства. В частности, требует научного осмысления вопрос об основаниях и пределах его осуществления в условиях автоматизированного исполнения обязательств. Например, смарт-контракты позволяют реализовать меры гражданско-правового принуждения посредством их встраивания в код с последующей блокировкой активов, что часто противоречит принципам автономии воли, справедливости и соразмерности.

Не менее значимой является разработка проблем допустимости и механизмов реализации мер гражданско-правового принуждения в корпоративном праве. Доктрина корпоративного принуждения позволит обеспечить реализацию принципов гражданского (хозяйственного) права, например, при исключении участника хозяйственного общества, не допустив механизмов рейдерского захвата.

Однако дальнейшая разработка методологического обеспечения гражданско-правового принуждения невозможна без совершенствования соответствующего категориального аппарата, поскольку существующая в настоящее время в актах законодательства правовая неопределенность порождает сложности его толкования и применения, что, в свою очередь, негативно сказывается на формировании профессиональной правовой культуры и профессионального правосознания.

В рамках представленной работы также видится целесообразным обсудить вопросы, касающиеся направлений совершенствования категориального аппарата в сфере гражданско-правового принуждения. Гражданско-правовая ответственность является одной из основных и наиболее часто реализуемых мер гражданско-правового принуждения. В отечественных и зарубежных научных и учебных изданиях представлено значительное число ее доктринальных определений, отражающих такие признаки, как имущественный характер, нацеленность на восстановление нарушенного права потерпевшего, осуществление взыскания в его пользу, а не в доход государства, реализация по требованию кредитора в качестве дополнительного обременения для должника, возможность согласования сторонами ее размера и формы, если это не противоречит императивным нормам гражданского законодательства.

Вместе с тем в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее — ГК) понятие «гражданско-правовая ответственность» отсутствует. В указанном кодифицированном законодательном акте нормативное закрепление получило понятие «имущественная ответственность», которое используется как в ее ретроспективном (например, ч. 1 ст. 23 ГК, ч. 2 п. 3 ст. 25 ГК и др.), так и в позитивном (например, ч. 2. п. 1 ст. 1 ГК и др.) понимании [7]. Кроме того, глава 25 ГК, именуемая «Ответственность за нарушение обязательств», является элементом конструкции обязательственного права как самостоятельной подотрасли гражданского права и регулирует отношения, связанные с обязанностью должника возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. А в разделе 2 ГК «Право собственности и другие вещные права», нормы которого также составляют самостоятельную подотрасль гражданского права, понятия «ответственность», «имущественная ответственность» не используются.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

В связи с формированием цифровой среды и возможностью реализации гражданско-правового принуждения в автоматизированном режиме требуется разработка методологического обеспечения оснований и пределов его осуществления.

В отечественной и российской цивилистических доктринах гражданско-правовая ответственность понимается как имеющая обязательную имущественную составляющую ответственность за нарушение обязательств. Об этом свидетельствует используемый в ее доктринальных определениях, сущностных признаках и подходах к классификации существующий понятийный аппарат. Вместе с тем современное гражданское право включает в себя не только нормы об обязательствах, но и нормы, регулирующие отношения собственности и иных ограниченных вещных прав, наследственного права, а также отношения

в сфере интеллектуальной собственности. Представляется необоснованным и неоправданным понимание гражданско-правовой ответственности как ее самостоятельного вида, связанного с отраслью гражданского права, но при этом отождествление ее только с совокупностью негативных для должника либо указанного в законодательстве лица последствий в рамках исключительно обязательственного права.

Требует дополнительного анализа и, возможно, переосмысления положение об исключительно имущественном характере негативных последствий, реализуемых в отношении ее адресатов. В условиях экспансии публичного права в сферу частных интересов [6] представляется обоснованным дополнить комплекс негативных последствий мерами организационно-правового характера (например, опровержение сведений порочащего характера, признание сделки недействительной, изъятие у лица имущества по основаниям, предусмотренным ГК). Такой подход также позволит устранить еще одну существующую правовую неопределенность, связанную с понятийно-категориальным аппаратом. Цивилистическая доктрина использует понятия «способы защиты гражданских прав» (ст. 11 ГК) [7] и «меры защиты» как комплекс негативных для должника (правонарушителя) последствий, не связанных с гражданско-правовой ответственностью. Если обратиться к соотношению категорий «способ» и «мера» как философско-правовой дихотомии, то можно говорить о следующем: способ — это инструментарий, мера — конкретный результат применения данного инструментария. Следовательно, способ защиты предполагает применение различных мер защиты, которые в существующей теории гражданско-правового принуждения разделены достаточно условно на меры имущественного (являющиеся гражданско-правовой ответственностью) и неимущественного (организационного) характера (не относящиеся к гражданско-правовой ответственности) в рамках единого предмета правового регулирования.

---

1. Андреев Ю. Н. О некоторых особенностях принуждения в гражданском (частном) праве // Новая правовая мысль. 2013. № 3. С. 18–24. Вернуться к статье

2. Баринов Н. А. Проблема принуждения в гражданском праве // Гражд. право. 2012. № 1. С. 6–14. Вернуться к статье

3. Березнёв Р. Ю. Юридическая конструкция гражданско-правового принуждения // Современное частное право: актуальные вопросы, достижения и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Ташкент, 29 апр. 2021 г. : сб. ст. / Ташкент. гос. юрид. ун-т ; редкол.: Б. Тошев [и др.]. Ташкент : ТГЮУ, 2021. С. 6–8. Вернуться к статье

4. Ефременко Е. М. Гражданско-правовая ответственность в системе правомерного принуждения: понимание и нормативное закрепление // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2023. № 2. С. 39–41. Вернуться к статье

5. Кархалев Д. Н. Гражданско-правовое принуждение // Вестн. Уфим. юрид. ин-та МВД России. 2014. № 1. С. 26–29. Вернуться к статье

6. Усанов В. Е. Экспансия публичного права в сферу частных интересов: новая управленческая парадигма // Государство и право. 2020. № 9. С. 136–141. Вернуться к статье

7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. от 9 дек. 2025 г. № 110-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье